

Валерий ГУСЕВ

Пиратский детектив

Скелеты
в тумане

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Скелеты в тумане

«ЭКСМО»

2001

Гусев В. Б.

Скелеты в тумане / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2001 — (Дети Шерлока Холмса)

Отправляясь в путешествие по Белому морю на парусной лодке, два брата Дима и Алешка даже и не представляли, что впереди их ждут кораблекрушение, встреча с опасными бандитами, путешествие по мрачному подземелью, которое «сторожат» скелеты, и... неожиданная находка — огромный слиток золота...

© Гусев В. Б., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	21
Глава VII	26
Глава VIII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Гусев

Скелеты в тумане

На дороге многое случается и будет случаться. Остерегитесь.
Александр Грин

Глава I

На Белое море!

В лесу росли куропатки и другие хвойные деревья», – с отвращением прочитал папа в Алешкиной тетради по русскому языку.

Попыхтел и взорвался.

– Асфальтовые дикари! – кричал он, топая ногами и придерживая на носу яростно прыгающие очки. – Хвойные куропатки! Пасынки природы! Дети каменных джунглей! И нечего хихикать! Вас надо спасать. Срочно! Пока окончательно не окаменели ваши юные души. – Он немного передохнул и чуть спокойнее добавил: – Все! Собирайте вещи, завтра же едем на Белое море!..

...Когда папа был молодым и необремененным семьей и работой, он много путешествовал. И часто рассказывал нам о своих былых походах. И больше всего вспоминал про свое любимое Белое море. Которое «навсегда покорило его сердце своей суровой красотой и первозданной природой». И он все мечтал, что когда-нибудь мы всей семьей отправимся в путешествие на Север. И сможем испытать полную впечатлений и приключений жизнь в дремучих лесах на суровых берегах самого прекрасного на свете моря – холодного, опасного, загадочного.

Такая жизнь, говорил папа, достойная настоящих мужчин, должна привить нам, его детям, любовь к родной природе, закалить мужеством наши характеры, изнеженные городским транспортом, магазинами, асфальтом, лифтом и другими чудовищами урбанизации...

Домечтался!..

И в тот вечер папа долго не мог успокоиться и сказал нам целую речь – образную и пламенную. Даже мама прибежала из кухни – послушать, стояла в дверях нашей комнаты и согласно кивала головой. Ей очень понравилось, что папа говорит о море.

И она тоже заявила, что ей надоело проводить отпуска на даче. Надоело готовить на непослушной плитке. Надоело мыть посуду в лоханке. Надоело торчать, согнувшись, весь день на огороде ради двух кривобоких и червивых редисок. И надоело вечером кормить своей кровью ненасытных комаров.

Она тоже хочет отдыхать как люди!

Тут папа сразу обрадовался и успокоился.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал он. – Значит, едем на Белое море и...

– На Черное, – торопливо поправила мама.

Папа страшно удивился:

– А что там делать?

– Отдыхать! Как люди! – Мама строго прищурила свои красивые глаза. Которыми она тоже навсегда покорила папино сердце. В дни его молодости.

– Целыми днями мешком валяться на пляже, – брезгливо сказал папа, – и лазить в теплую воду, в которой плавают арбузные корки и кукурузные кочерыжки...

Мама мечтательно улыбнулась и перебила его:

– Питаться фруктами...

– ... Которые стоят бешеных денег, – добавил папа.

– А вечером танцевать с интеллигентными людьми и вдыхать аромат цветущих магнолий...

– ...С которых сыплются мохнатые пауки, – злорадно продолжил папа.

Но мама ничего не слышала:

– И не надо мыть посуду, бегать по магазинам...

Папа обиделся:

– На Белом море нет никаких магазинов. Там вообще ничего нет. Там только звериные тропы в лесу...

– А по ним бродят волки, медведи и злостные браконьеры с ружьями, – уточнила мама.

В этом споре они совершенно забыли о нас, о хвойных куропатках. Но если бы я знал, какие опасности и приключения нам предстоит пережить на Белом море!.. Если бы я знал, что нам придется потерпеть кораблекрушение, сразаться с браконьерами и беглыми каторжниками!.. Если бы я знал, что мы чуть не заблудимся навсегда в мрачном подземелье в поисках золота и едва не погибнем от холода, голода и жажды на необитаемом острове!..

Если бы я это знал, то в тот вечер, наверное, предпочел бы не Белое, а Черное море. С пауками и арбузными корками на цветущих магнолиях, с кукурузными кочерыжками на интеллигентной дискотеке...

Но мама между тем начала потихоньку сдаваться. Подозреваю, что она просто хотела, чтобы мы ее поугovarивали. Это сняло бы с нее ответственность за принятие окончательного решения, а при случае ей можно было бы упереть руки в боки и торжествующе заявить: «Ну, что я говорила!»

И вот она привела последние доводы:

– Но там же водятся змеи...

И ошиблась. У Алешки сделались от восторга большие глаза и поднялся хохолок на макушке.

– Горынычи! – заорал он радостно.

– Гадюки! – охладила его мама. – И там еще труднее с посудой и комарами.

Но горынычей не победить!

– Я буду мыть посуду, – заявил папа. И тут же твердо поправился: – С Димой!

Я заявил, а Алешка радостно пообещал маме:

– А я буду бить на тебе комаров, когда ты спишь, – и стал обуваться. – Поехали, что ли?

И мы поехали. Только не сразу. Потому что к такому трудному путешествию надо было очень серьезно подготовиться. Папа взял на себя общее руководство. Он командовал, советовал, спорил, никого не слушал и распределял обязанности.

Мама он посадил составлять список необходимых вещей. Нам велел достать с антресолей его старую палатку и привести ее в порядок: вытряхнуть, подлатать дырки, заменить, если надо, растяжки. А сам собрался по магазинам за охотничьим снаряжением и припасами.

– Да, – вспомнила мама, когда он уже стоял в дверях, – заплати за квартиру, я не успела, – и пошла на кухню.

Папа поскреб в затылке, поправил очки и деловито распорядился:

– Дима, когда закончите с палаткой, заплати за квартиру, – и быстренько хлопнул дверью у меня перед носом, чтобы я не успел отказаться.

Мы с Лешкой достали палатку и пошли ее трясти на спортивную площадку, где никто и никогда не занимался спортом и где все особаченные жильцы выгуливали своих четвероногих друзей.

Палатка была в отличном состоянии: выгоревшая, пропахшая дымом походных костров, прожженная искрами не более чем в двадцати местах. Мы хорошенько выбили ее, вытряхнули из ее карманов пожелтевшие хвойные иглы и туго скатали, как учил папа.

И тут я вспомнил про квартплату и вручил Алешке деньги и расчетную книжку.

– Да, – сказал он. – Обязательно. Прямо сейчас. Не беспокойся.

И мы пошли домой и стали помогать маме: разыскивали по всей квартире и складывали в одну комнату на пол вещи по ее списку. Вскоре квартира опустела, а в нашей комнате выросла гора почти до люстры.

Тут вернулся папа. Он разыскал нас среди вещей и ехидно спросил:

– Переезжаете? Трейлер уже заказали? Или товарный вагон? А почему тахту и холодильник не взяли – в рюкзак не влезли? Что же вы не догадались у соседей детскую коляску попросить? Мы бы ее к поезду привязали. И она бы прыгала...

– По шпалам! – восхитился Алешка.

А мама поджала губы:

– Ты же сам сказал: составить список необходимого...

– Необходимого! – важно подчеркнул папа. – В путешествие берут не то, что может пригодиться, а то, без чего нельзя обойтись. Это главное правило всех бродяг.

– А еще сковородка и продукты...

– Продукты? Возьмем только сахар, чай, соль и муку...

– И гречку, – твердо вставила мама.

– И гречку, – машинально согласился папа. – Остальное будем добывать охотой, рыбалкой и трудом. Что добудем, то и съедим! – строго добавил он.

– А если не добудем? – испугался Алешка.

– Умрем с голоду, – безжалостно отрезал папа.

Сурово, ничего не скажешь. Тут я впервые задумался о том, что поход это не только песни у костра. А папа быстренько раскидал все, что мы собрали с таким трудом, на две кучки и добавил к маленькой топорик, свечи, фонарь и моток веревки. Потом он принес еще большой кусок брезента и какую-то огромную материю с дырками по краям, в которые были вделаны медные колечки.

– А это зачем? – спросил Алешка.

– Узнаете, – загадочно ответил папа. – Укладывают все в рюкзаки, а то, что не влезет, упакуйте в брезент.

– Да, – сказал Алешка. – Обязательно. Прямо сейчас. Не беспокойся. А ты заплати за квартиру, мы забыли, – и протянул папе деньги и книжку.

Папа хмыкнул и развел руками.

К вечеру мы устали как собаки, но все было готово, даже за квартиру мама заплатила, и папа достал свое старое доброе ружье и принялся его чистить и снаряжать патроны, отгоняя как вредную муху Алешку, который вертелся в опасной близости к пороху и пистонам. А мне папа доверил отвешивать дробь и помечать патроны – какие чем заряжены, на какого зверя или птицу.

Перед сном папа зашел к нам в комнату и положил на стол какую-то книгу.

– Прочитайте, полезно будет.

– Да, – сказал Алешка. – Обязательно. Прямо сейчас. Не беспокойся.

– Не увиливай, – строго сказал папа. – В этой книге собраны легенды того края, куда ты едешь. И чтобы лучше его понять и полюбить, нужно знать его историю.

И папа хлопнул дверью.

Алешка взял книгу:

– «Калевала» какая-то. – Полистал: – В стихах. И стихи какие-то нескладные. А имена вообще не прочитаешь. – И зевнул так, что чуть не проглотил книгу. И запрятал ее в самый дальний угол.

Мы легли спать и проснулись уже в поезде. Потому что на вокзал надо было приехать очень рано, а еще раньше выйти из дома – так мы и добирались до вокзала «непрспатые», как сказал Алешка, и проснулись окончательно, когда поезд уже тронулся.

Глава II

Украли карту!

В вагоне было очень уютно: грязно, накурено, пахло дымом, а под полом весело стучали колеса и гремели на откидных столиках прыгающие в чайных стаканах ложки.

Вагон был плацкартный, в другой нам билеты не достались. Но это тоже хороший вагон, в нем такие же отдельные купе, но без дверей. И нам это даже больше нравилось. Все время ходили мимо и заглядывали новые интересные люди, и нам тоже можно было в любое время зайти к кому хочешь на чай или какую-нибудь воду. Алешка даже поправился немного за дорогу. Во всяком случае, живот у него выпирал, как мячик.

Когда нам мама запрещала навещать соседей, мы забирались на верхние полки и пытались смотреть в окно: как там проносятся города и села и заброшенные стройки пятилетки. Но видно было плохо, потому что окно было такое грязное, что казалось – все время на улице сумерки и все пробегающие мимо окрестности уже спят.

Потом мама не выдержала, взяла у проводницы ведро с водой и тряпку и на одной станции вымыла окно снаружи. Сразу стало светлее и веселее. А проводница тоже очень обрадовалась и сказала: вот бы все такие пассажиры были сознательные, и намекнула маме, не вымоет ли она уж заодно все окна в вагоне, время есть – на следующей станции поезд будет стоять целый час.

– Ага, – серьезно согласился папа, – и полы тоже. А я буду топить печку для чая.

Алешка тут же добавил:

– А я поведу электровоз вместо вашего машиниста!

Мне ничего не удалось вставить, потому что мама прервала этот беспредметный спор и сказала: лучше каждый будет заниматься своим делом. Но проводница все равно не обиделась и давала нам чаю сколько угодно и когда захочется. И на каждой остановке приводила других проводников к нашему окну на экскурсию, и все они громко мечтали о сознательных пассажирах. Или чтобы их не было вообще. Никогда...

Вечером папа завесил наше купе лишним одеялом и устроил совещание. Они с мамой сидели внизу, за столиком, на котором папа разложил большую карту, а мы с Лешкой свесили со своих полок головы, и они болтались в такт колесам, как арбузы в авоськах.

Папа нам рассказал и показал на карте: вот на этой станции мы сойдем, потом пройдем пешком несколько километров до Поселка на берегу моря. Оттуда – катером до Рудника, где живет папин друг дядя Саша. Там мы задержимся на день-два и оснастим для дальнего похода лодку, которую дядя Саша уже приготовил для нас. А потом поплывем на ней сначала на Лесозавод, затем на Биологическую станцию, а уж после – в самые дальние края, где нас ждут не дождутся прекрасные приключения.

– И все? – несколько разочарованно спросил Алешка. И деловито добавил: – А цель?

В его словах был смысл. Каждое путешествие имеет свою цель. Кто-то отправляется открывать новые земли, а кто-то (это чаще всего) за золотом.

И тут выяснилось, что наше путешествие совсем не отличается от настоящих. Мы, оказывается, тоже отправлялись открывать новые (для нас) земли, а заодно и за золотом!

И папа рассказал такую загадочную историю.

Давным-давно, когда нас с Алешкой не было еще и в помине, на далеком, глухом и диком берегу Белого моря был старый рудник. Там добывали какой-то кварцит и слюду для промышленности. И вот рабочие в одной из шахт нашли вдруг огромный золотой самородок. Которому не было цены. И они захотели послать его в подарок любимому товарищу Сталину. Был тогда такой вождь нашего великого народа. Но они узнали, что начальники рудника захотели при-

своить это золото. Тогда рабочие спрятали от них самородок в самой далекой шахте, почти у самого берега моря. Но тут началась война, рудник закрыли, а всех рабочих отправили на фронт. И никто из них не вернулся, и про самородок забыли. А потом, через много лет, в каком-то архиве нашелся клочок бумаги со схемой, вроде карты того самого места, где прятался самородок. Попытались его найти. Но не тут-то было. Эти шахты – сплошные подземелья, все запутанные в ходах и переходах, многие из которых были давно затоплены морской водой.

Но кладоискатели не отчаивались. Со схемы сделали несколько копий, и многие продолжали бесполезные поиски. Одна такая копия случайно попала в руки нашему папе.

– Вот она, – сказал папа, положив на столик пожелтевший листок бумаги.

Тут какой-то дядька в майке и кепке отдернул наше одеяло и заглянул к нам в купе:

– Ой! Извиняюсь, я ошибся. Это шестой вагон будет?

– Будет пятый, – нетерпеливо ответил Алешка, не отрывая глаз от схемы. – Завтра утром. Мужик исчез.

– А что же ты сам не нашел самородок? – спросил я папу.

– Не смог. Вот видишь, – он ткнул пальцем в схему, – это огромная скала – несколько километров сплошного камня. А на ее вершине – огромный колодец – дыра, отвесная и глубокая. И вот здесь, почти у самого его дна, залитого водой, расходятся в разные стороны подземные ходы – штреки и штольни. Без специального снаряжения туда никак не попадешь.

– На веревке, – хладнокровно пожал плечами Алешка, наш опытный кладоискатель (я об этом уже как-то рассказывал). – Спуститься – и все!

– Там знаешь, какая глубина? – стал оправдываться папа. – Двадцать метров, семиэтажный дом. Но говорят, что туда можно попасть другим путем, со стороны моря, с одного из островов. Будто бы оттуда ведет старинный подземный ход...

И тут снова откинулось одеяло – опять кепка в майке.

– Ой! Извиняюсь...

– Пятый, пятый, – оборвал его Алешка. – Давно уже. – И майка в кепке послушно исчезла.

– Спать, кладоискатели, – сказала мама. – На рассвете – подъем.

Папа бережно сложил схему и сунул ее в большую карту, которая лежала у окна, рядом с его планшетом.

Алешка потянулся ко мне и прошептал:

– Как доберемся до этого колодца, ты меня спустишь туда на веревке. Самородок – пополам, по-честному.

– Я вам сейчас не пополам, а по полной норме выдам, – сказала мама. – По-честному.

И мы почти уснули.

Но тут папа сказал:

– Лоухи проехали.

– А кто это? – поднял Алешка голову.

– Станция так называется. Здесь когда-то жила злая лоухская ведьма. Ты разве не прочитал в книге?

– И это в честь нее называли станцию? – удивился Алешка, уходя от ответа. И опасливо поинтересовался: – А сейчас она где?

Папа сказал, что злая Лоухи жила очень давно, в легендах и сказаниях.

– А чего она делала?

– Вредничала, в основном. Сеяла зло на земле, обижала добрых людей. Но они с ней справились.

– Навсегда? – спросил Алешка.

Мама засмеялась и сказала, что борьба добра и зла – вечная. И поэтому, чтобы зло не победило, нужно почаще совершать добрые поступки.

Например, вовремя ложиться спать, подумал я.

Алешка покивал головой, сделал вид, что все понял и отныне будет творить добро окружающим. Днем и ночью. Обязательно. Прямо сейчас. И усмехнулся маминой наивности.

И мы опять уснули. И тут же услышали папин голос:

– Пора, ребята. Высаживаемся.

Я глянул в окно. Там ничего не было. Одна ночь. Правда, светлая.

Поезд замедлял ход. Мы перетаскивали вещи в тамбур и изготовились. И вот поезд пошел совсем медленно. Но он и не думал останавливаться.

Папа распахнул дверь, спрыгнул на ходу и побежал рядом с вагоном. Он принял от меня Лешку, поймал его и поставил на землю, потом – маму, а после я стал быстро передавать ему вещи. Папа ловил их и складывал вдоль пути: четыре рюкзака, скатанная палатка, спальники, ружье в чехле, удочки, ведро... Наконец тамбур опустел, и я тоже спрыгнул на землю.

Медленно простучал мимо нас последний вагон.

– Шапку в поезде оставил, – задумчиво сказал вдруг Алешка, словно продолжая какой-то разговор.

Папа рванулся, в два прыжка догнал поезд, вскочил на подножку и исчез в дверях последнего вагона, а потом выпрыгнул уже из пятого. Подбежал к нам, оглядываясь на поезд, тяжело и растерянно дыша:

– Не нашел... Куда ты ее засунул?... Где ты ее оставил?..

– Да не я, – сказал Алешка. – Тот дядька в майке.

Папа грустно посмотрел на него. Алешка опустил голову и стал смущенно ковырять носком ботинка щебень между шпалами.

– Скучно нам не будет, – уверенно сказала мама и вздохнула с улыбкой.

Поезд, будто ждал этих слов, загудел и начал, так и не остановившись, набирать ход. Мелькнул задними огоньками и исчез в ночи среди скал, как в тоннеле. Затих вдали стук его колес, к которому мы уже так привыкли. Уехала цивилизация. С немытыми окнами.

– Постой, – вдруг спросил папа Алешку, – а откуда ты знаешь, что этот мужик в майке кепку в поезде оставил?

– А он без кепки сошел. Из последнего вагона. Когда вы вещи выбрасывали.

Папа недоверчиво оглянулся. Оглядел пустынную местность.

– А где же он?

– Скрылся, – вздохнул Алешка. – В кустах. Сразу же.

Папа почему-то подбросил ружье на плече и встревоженно пересчитал глазами наше имущество, разбежавшееся вдоль пути. Проверил бумажник и достал из планшета карту. Большую. А маленькой схемы на пожелтевшем листе не было...

– На столике забыл? – подсказала мама.

– Нет, я хорошо помню, что они были вместе. Схема была вложена в карту...

– ... И всю ночь лежала на столе, – продолжила мама. – На самом видном месте.

– А эта майка в кепке два раза заглядывала к нам, – добавил я.

– Это он украл нашу карту, – мрачно подвел итог Алешка. – Чтобы забрать наш самородок. – И заспешил: – Пошли скорее. Пока он нас не обогнал!

Глава III

Выстрелы на берегу

Мы прикрепили спальные мешки под клапаны рюкзаков, навьючились как лошади. Или верблюды. Я взял в руки палатку, папа повесил на шею ружье и фотоаппарат, мама подхватила ведро с недоеденной в поезде курицей. И мы пошли.

И шли довольно долго. Было тяжело, и от этой дороги я запомнил только камни под ногами и скалы по бокам.

И вдруг папа сказал с тихим восторгом: «Море!»

– Какое маленькое! – с облегчением удивился Алешка.

Действительно, море, как и дорога, было зажато между скал, только высоких и покрытых деревьями. И лишь впереди, как в конце узкого коридора, виднелось что-то бескрайнее, слитое с небом.

– Это называется губа, – объяснил папа, – такой узкий и длинный залив. Здесь почти все берега такие. А вот и Поселок.

Поселок, открывшийся за поворотом, еще спал. Только кое-где светились желтые огоньки в окнах. И тархтел у причала катер, выбрасывая над гладкой водой синий дымок.

Папа пошел договариваться с экипажем катера, чтобы нас взяли на борт. Экипаж был не очень большой – всего один капитан. Зато с бородой, в высоких сапогах и свитере. И фуражка у него была настоящая, морская. Или милицейская.

Он помог нам погрузить вещи и сказал:

– Главное, через борт не свешивайтесь. А то вода у нас в море холодная.

– И глубокая, – опасливо согласился Алешка.

Стукнувшись пару раз о причал, катер вышел в море. Он назывался МРБ – малый рыболовный бот. У него на носу была маленькая рулевая рубка, совсем как собачья конура, а все остальное – палуба с низенькими бортами. С берега, наверное, было видно, как над ними торчат наши головы, как поганки из-за пенька. Но смотреть было некому, все спали. В тишине и покое раннего утра.

В такой тишине, что мы вздрогнули и вскочили, когда на берегу вдруг раздался выстрел. И из-за большого камня выскочила моторная лодка по имени «Чайка» и помчалась по гладкой воде в открытое море. С берега снова ударил выстрел. Рядом с лодкой брызнул фонтанчик воды.

Папа быстро выхватил из чехла ружье, но лодка уже обогнула наш катер и оставила его позади.

– Кепка! – закричал Алешка. – На лодке Кепка! В майке!

На корме лодки у подвесного мотора, пригнувшись, сидел наш сосед из шестого вагона. За золотом торопился. С нашей картой.

– Ничего, – сказал папа, с сожалением опуская ружье, – он далеко не уйдет. Раз уж он угнал чужую лодку, милиция им займется. – И он пошел к капитану.

Я осмотрел пустынное море, пустынные берега в дремучих лесах и подумал: где она, моя милиция? И как она его будет искать в таких дебрях?

И мне страшно стало.

Тут пришел папа и сказал, что у капитана испортилась рация и сообщить в милицию об этой Кепке не удалось. А мама очень кстати достала термос с горячим чаем.

И мы успокоились, попили чаю с печеньем и приплыли на Рудник.

Дядя Саша горячо встретил нас на причале. Он был большой (дядя Саша), и тоже в свитере и с бородой. В этих краях все были бородатые: и люди, и скалы, и деревья, покрытые мхом. Даже папа стал отпускать бороду.

Дядя Саша изо всех сил обнялся с ним (Лешка даже взвизгнул от страха за папины ребра), поцеловал маме руку своей бородой, подбросил и поймал еще громче завизжавшего Лешку и похлопал меня как взрослого по плечу.

– Как добрались, нормально? – спросил он.

– Нормально, – сказал Алешка. – Только всю дорогу окна в вагоне мыли. И курицу ели.

Дядя Саша засмеялся и повел нас в свой обветренный дом отдыхать и кушать.

Дом был весь деревянный. И снаружи, и внутри. Мы с Алешкой сразу разулись – так приятно было шлепать босиком по гладкому теплему полу. И все рассматривать: деревянную мебель, как в музее русского быта, лосиные рога по стенам, медвежьи и волчьи шкуры на полу, керосиновую лампу на столе, сети с большими стеклянными шарами-поплавками, сваленные в угол, карабин на сучке, огромного кота на печке.

Мы немножко поели, отдохнули, потом опять поели и пошли смотреть нашу будущую лодку. Дядя Саша все уговаривал нас не спешить с выходом в море, погостить у него, но папа сказал, что нельзя терять погоду, ведь скоро могут начаться осенние шторма. А мама испуганно промолчала.

Лодка нам очень понравилась – большая, прочная, деревянная. Она лежала вверх дном, на бревнышках. Папа ее внимательно осмотрел, потыкал ножом в доски обшивки, а потом мы все вместе поставили ее на киль. Дядя Саша пошел за веслами, потому что папе не терпелось испытать лодку на ходу.

Мы скатили ее по бревнышкам в воду, папа взял пару весел и забрался в лодку. Алешка было бросился за ним, но мама успела его перехватить у самой воды, чуть не оставив его без штанов – так он рвался из них вслед за лодкой.

Папа отплыл немного от берега и начал гонять лодку туда и сюда, заставлял ее вертеться на месте, раскачивал, а потом, резко загребая, стал уходить в открытое море.

Алешка мрачно смотрел, как постепенно уменьшается лодка, и вдруг буркнул:

– Куда это он в такую даль? Заблудится еще. И станем мы – дети капитана Гранта.

Но папа вернулся. Он ловко подогнал лодку к берегу и так поднажал на весла, что она почти вся вылетела на камни. Папа был доволен лодкой. А мы были довольны папой. Тем, что он вернулся. И тем, как уверенно и умело управлял нашим кораблем. Не ожидали, все-таки городской человек, да еще чиновник.

По правде сказать, я сначала немного побаивался плыть по морю на лодке. Но когда увидел, как справляется с ней папа, смелости у меня прибавилось.

Потом мама пошла с дядей Сашей знакомиться с жизнью Рудника и помочь ему по хозяйству, потому что его семья уехала отдыхать, как «нормальные люди на северное побережье южного моря». А мы с папой стали готовить лодку к дальнему плаванию.

Сначала папа велел нам укладывать на дно лодки камни. «Только не круглые, – предупредил он, – чтобы не сместились при качке».

Папа, оказывается, хотел оснастить лодку парусом, а для этого надо было уложить балласт, чтобы ее не опрокинул ветер, сделать киль, чтобы она могла идти в любом направлении, даже против ветра, и руль, чтобы управлять.

В общем, работы было много. Папа, забрав топор, ушел в лес искать подходящее сухое дерево для мачты, а мы усердно взялись за камни. И когда он вернулся, волоча за собой длинную жердь и охапку тонких гибких прутьев, лодки уже почти не было видно под грудой камней. Благо – искать их не приходилось, весь берег из них состоял. Наверное, на целый парусный флот маленькой державы хватило бы.

– Молодцы, – похвалил нас папа, усмехнувшись одной щекой. – Чувство юмора у вас есть. Чувства меры только не хватает.

Тогда мы подкрепились черникой, которую он собрал для нас в лесу, и выкинули все лишние камни. А папа набил на днище лодки поверх камней доски, и получился ровный настил. Сделал палубу в носу вровень с бортами, чтобы не заливало встречной волной, и вышло очень здорово и аккуратно. Даже подошедшая мама его похвалила:

– Очень миленько получилось, – снисходительно сказала она.

Папа прямо расцвел – так ему было это приятно.

– Это еще что, – гордо пообещал он. – Сейчас каюту сделаю.

– Сейчас обедать пойдем, – охладила его мама.

И мы с удовольствием пошли опять обедать. Дядя Саша понял со слов Лешки, что у нас была всего одна курица на четверых на два дня и что мы голодали в поезде, и решил нас накормить не только за прошлую дорогу, но и впрок. И поэтому разговор за обедом шел только вокруг стола.

Папа наворачивал треску и камбалу, съел почти целую жареную утку и все подшучивал над дядей Сашей: что же ты нас не угощаешь нельмой, лососем, миногами, где же твое северное гостеприимство и радушие? А дядя Саша грустно оправдывался: нельма уже не водится, кумжа не ловится, а лосось давно исчез.

– Но вам на прокорм дичи и рыбы хватит, – сказал он, – если ты стрелять не разучился. И если твои орлы будут исправно рыбу ловить.

– Я буду чернику собирать, – сказал Алешка, уплетая черничное варенье прямо из банки, потому что в вазочке оно уже кончилось. В основном его стараниями, конечно.

Мама давно уже делала ему строгие глаза. Алешка в ответ невинно пожимал плечами: мол, что же делать, угощают, нельзя отказывать хорошему человеку, нельзя отвергать северное радушие и гостеприимство.

– Ешь, ешь, – подбадривал его дядя Саша. – В ней витамины.

Алешка сделал вид, что очень удивился – вот как! – я и не знал. Ну, раз такое дело – придется еще поесть. И нельзя ли найти чистую, не очень большую баночку, чтобы набрать витаминов в дорогу?

Мама застонала. Папа хмыкнул. Баночка нашлась.

После обеда мы с папой снова пошли на берег и до вечера возились с лодкой. Папа установил на ней каркас из гибких прутьев и натянул на него и пришнуровал к бортам тот самый загадочный брезент с дырочками. Получилась очень уютная каюта, которая могла защитить нас от холодного ветра, соленых брызг и дождя в непогоду.

Мы с Алешкой сразу же забрались в нее и долго не хотели вылезать – так было в ней хорошо. Маме тоже понравилось.

– Номер «люкс», – сказала она, – с видом на море. В любую погоду. Со всеми удобствами. И холодный душ, и свежий ветер. Сдается одинокому интеллигентному холостяку.

Папа почему-то обиделся. Но тут пришел капитан МРБ в фуражке и стал осматривать лодку и давать всякие советы.

– Главное, – сказал он, – что звукового сигнала на вашем пароходке нет. А у нас тут часто туманы на море падают – без гудка никак невозможно.

– Лешка будет гудеть, – сказал я. – Или визжать, как сирена.

– Тогда пошли учиться, – сказал капитан и забрал Алешку на свой бот. И дотемна весь Рудник оглушали звериные гудки маленького, но горластого мотобота.

Под эти звуки мы поставили мачту и растянули ее вантами. Мне это страшно понравилось: получился настоящий парусный корабль. Все в нем было как-то очень ладно и надежно. Казалось, что лодка прямо-таки рвется в море, чтобы, забрав парусами ветер, накренившись под его напором, упрямо резать острым носом крутые зеленые волны... Лепота!

Тут пришел совершенно оглохший от гудков Алешка, посмотрел на наш корабль и заорал:

– Название нужно написать! Капитан сказал, это главное!

– Ты что орешь? – отшатнулся от него папа, зажав уши. – У твоего капитана – все главное.

– А чего вы все шепчетесь? – взвыл Алешка. – Опять секреты? От меня?

На его крик прибежала мама и увела его спать.

И мы тоже пошли спать. Потому что рано утром мы выходим в море.

Нас с Алешкой уложили на медвежьей шкуре. Алешка поворочался, повздыхал, сложил ладони под щекой, а потом, спохватившись, так гаркнул «Спокойной ночи!», что дядя Саша подскочил на печке и ударился головой и коленками в потолок, свалил на пол какую-то кастрюлю, а она сначала ударилась в перевернутое корыто, а потом упала прямо на кота. Кот взвыл и сиганул на стол, опрокинув лампу... И все это продолжалось довольно долго, по цепочке, пока не грохнулись на пол составленные в угол весла прямо на мамину сковородку. Сковородка загудела, как колокол, и все стихло. Лешка за это время, пока все падало и гремело, уже успел уснуть, мама – выпить валерьянки, а папа – покурить.

Дядя Саша вздохнул и признался сквозь сон:

– Хорошо все-таки, что вы уходите завтра в море и не согласились погостить у меня. А то мои вернутся – а жить уже негде. А ведь зима на носу...

Глава IV

Мы выходим в море!

Утром мы столкнули лодку на воду, и она красиво закачала своей мачтой как длинным тонким пальцем. Папа приказал нам начать погрузку.

Мы стали таскать вещи, а он отвернул свои сапоги до пояса и, стоя в зеленой воде, придерживал лодку и укладывал груз в каюту. В своей старой шляпе, которую мама пятнадцать лет хотела выбросить на помойку, в подпоясанной широким ремнем телогрейке и пиратских сапогах он был похож на старого морского волка. Особенно со стороны небритых щек. Мама тоже на него с гордостью поглядывала и командовать им стала меньше. И не так уверенно.

– Одевайтесь теплее, – сказал дядя Саша, передавая папе алюминиевую канистру с питьевой водой. – В море свежо будет.

Папа подхватил Лешку поперек живота и усадил в лодку. Потом перенес туда и маму. А я тоже был в сапогах и забрался в лодку сам.

Дядя Саша пожелал нам счастливого плавания. Мне показалось – с облегчением.

Папа толкнул лодку, перевалился в нее и сел за весла. Мы изо всех сил замахали дяде Саше, и он становился все меньше и меньше. Даже немножко жалко его стало...

На рейде нас ждал капитан со своим мотоботом. И он тоже помахал нам фуражкой, пожелал счастливого плавания и крикнул:

– Алешка! Не забывай про главное. Главное – что?

– Гудки подавать, – заорал Алешка. – В тумане! Давай фуражками меняться!

– Потом, – засмеялся капитан. – В порту! – Дал три гудка и лег на свой курс.

Тут папа поднял парус, и он сначала повис, чуть шевелясь и вздрагивая от ветра, а когда папа натянул шкот, парус надулся ветром, и наша лодка, дрогнув, пошла вперед – сначала медленно, а потом все быстрее и увереннее.

Зажурчала за кормой вода, зашумел ветер в вантах. В нос стала постукивать волна и с шорохом разлетаться в брызги.

Над нами долго кружили со своими скрипучими криками чайки. Целое стадо, сказал Алешка. Они провожали нас. И мы видели их просторные крылья и красные лапки, туго прижатые к белому брюшку. Потом одна из них выхватила из воды неосторожную рыбку, другая бросилась ее отнимать, – и поднялась свара как в старое время в очереди за мылом, – и они отстали...

Папа сидел у руля. Он стал какой-то незнакомый: спокойный, уверенный и строгий. Даже очки его не портили. И драная шляпа.

Он чуть пошевеливал румпель, подтягивал или отпускал шкот и зорко смотрел вперед и одновременно поглядывал на нас, чтобы мы не нарушали морской порядок. И не вывалились за борт.

А мама... я ее не узнавал: она опустила руку в воду и улыбалась. Как перед танцами с магнолиями и фруктами.

Солнце стояло еще низко, но все равно светило хорошо, приветливо. Оно сразу высушивало капли воды, падавшие на туго надутый ветром парус и брезентовый тент. Я облизывал соленые губы, внутри у меня как будто все пело...

– Папа! – вдруг завопил Алешка. – Смотри, куда правишь. Сейчас врежемся!

Впереди, прямо по курсу, торчал из воды круглый мокрый камень, будто верхушка подводной скалы. Лодка летела прямо на него. Я вцепился руками в теплый борт, оглянулся на папу – что с ним?

Папа спокойно улыбался, словно приготовил нам сюрприз. Он не только не думал обходить скалу, он все время держал лодку прямо на нее.

До камня оставалось совсем чуть-чуть. И вдруг – я уже готовился зажмуриться – он нырнул и исчез. И снова появился за кормой. Как поплавок.

– Тюлень, – завопил в восторге Алешка. – Усатый! Настоящий! Вот это страна – тюлени на каждом шагу!

Тюлень тарасил нам вслед глаза на круглой голове и, наверное, ругался по-своему.

Лодка тем временем вышла из губы. Папа немного изменил курс, и встречь нам, немного сбоку ударил ветер, и в скулу правого борта начала ритмично бухать крутая морская волна, и нос лодки стал подпрыгивать на ней. Лодка сильнее накренилась, и над палубой еще выше стали взлетать зеленые брызги и блестеть на солнце. Снова догнавших было нас чаек окрепший ветер отнес в сторону как горластое облако.

– Забирайтесь в каюту, – сказал папа. – Сейчас будет холодно.

И верно. У меня сразу стали мерзнуть руки, потом нос и уши. Мама подняла капюшон куртки, а мы с Лешкой забрались в каюту, прижались друг к другу и укрылись одеялом. Скоро согрелись и даже задремали, прислушиваясь сквозь легкий сон к шуму воды за бортом и голосам родителей, которые все время относил ветер.

– Держи поближе к берегу, – осторожно попросила мама.

– Нельзя, – ответил папа. – Это опасно. Там могут быть подводные камни. Поморы говорят: дальше в море – меньше горя.

Я не разобрал сквозь дрему, что ответила мама, но по ее голосу понял, что она опять немножко завяла. Магнолии вспомнила.

Потом качка стала ровнее, голоса становились все тише, плеск волн в борт лодки – все монотоннее. Мы крепко заснули.

Глава V

Полнолуние не учел!

Мы проснулись от скрежета лодки по камням и веселого голоса папы:

– Подъем, бродяги! – кричал он. – Обед проспали!

Мы вылезли из каюты. Лодка стояла, уткнувшись носом в берег. Сзади было море. Впереди – глухой лес. Над головой – пасмурное небо. И никого кругом. Только мы и лодка. Стало как-то одиноко.

Папа это понял и пришел на помощь:

– А ну не унывать, а то домой отправлю! Быстренько собирать сушняк на топливо. Достать казанок для каши и котелок для чая! Свистать всех наверх!

Все спорилось в его руках. Запылал и весело затрещал костер – наш первый костер на берегу Белого моря. Забулькала вода в котелках, запахло вареной гречкой. Дядя Саша дал нам в дорогу баночку гусиного жира, и мама щедро заправила им кашу. Та еще кашка получилась! А чай! В моей кружке плавали хвойные иглы и пепел от костра, и от этого он казался еще вкусней. И пах теплым дымом!

Никогда еще не было так хорошо.

Только почему-то иногда тревожно вспоминались украденная карта и выстрелы на берегу. Мне все время думалось, что этот жулик в кепке так просто от нас не отвяжется. Будет за нами следить на лесных тропах и морских просторах. Потому что без нас он заброшенный рудник не найдет. А из-за такого куса золота он способен сделать любую пакость... Пусть только попробует, с усилием взбодрился я, поглядывая на папино ружье.

И все опять стало хорошо. Впереди прекрасное путешествие. Мы сидим вокруг ровного жаркого костра – у папы он получился очень деловой, добрый и уютный, – пьем чай с хвойными иглами, и все вокруг становится теплее и светлее. Опять выглянуло солнышко. И не пугал дальний опасный путь и суровая первозданная природа. Она нам стала очень нравиться.

Алешка отвалился от чая и без перерыва принялся за чернику – благо даже от костра для этого отходить не нужно было – только руку протяни: крупная, как виноград, черная и спелая, полная витаминов. Папа поднялся, прошел в глубь леса, побродил там и принес маме несколько желтых ягод морошки, прямо на длинных стеблях. Мама улыбнулась ему, а он опять похвастался:

– Это еще что! Я тебя тут в жемчуга одену! Дай только срок.

– Слыхали уже, – отмахнулась мама. – Пятнадцать лет.

Тогда папа посмотрел на часы и сказал:

– Пора. Завтра до полудня нам надо добраться до Лесозавода. В путь.

Мы вымыли котелки морской водой, залили костер и снова вышли в море.

И шли почти до вечера, пока не остановились на ночлег.

Первая наша походная ночевка тоже ознаменовалась событием. Вообще почти каждая ночь в путешествии была с приключениями...

– Здесь песчаное дно, – сказал папа, когда мы приставали к берегу. – Только сейчас прилив, и его не видно. Ночевать здесь будет не опасно.

И мы не стали возиться с палаткой, а, напившись чаю с гречневой кашей, улеглись прямо в лодке, в каюте. Папа плотно зашнуровал вход в нее, хотя был уверен, что на воде, при легком ветерке, комары нас не достанут. И мы залезли в спальные мешки и под одеяла. Мама загасила свечку, и стало тихо и темно. Так тихо, что был слышен легкий плеск волны в берег и шум сосен от ночного ветра.

Лодка тихонько моталась и покачивалась на якоре, который мы соорудили из обрывка железной цепи, собрав его в тяжелый комок. За бортом иногда что-то всплескивало, наверное, рыба...

Я открыл глаза от того, что папа вдруг сильно навалился на меня, а мама недовольно проворчала Лешке сквозь сон: «Ляг на место». Происходило что-то непонятное – казалось, что лодка не спеша начинает крениться и все сильнее и сильнее заваливается на борт. И я совсем проснулся в тревоге: мне почудилось, что под нашу лодку поднырнул кит и стал всплывать, и что наша лодка, наклоняясь все больше, вот-вот перевернется и скатится с его круглой мокрой спины.

Я хотел вскочить, но на мне ворочался и ворчал папа. А мама все сильнее воевала с Алешкой. Мы все спутались руками и ногами в какой-то клубок. Наконец мы окончательно проснулись и, барахтаясь, выбрались друг из-под друга. Папа раздернул полог – стало светло – и, выглянув наружу, удивленно присвистнул. Лешка тоже высунулся и тоже свистнул.

– А где же море? – удивленно спросил он.

– Ничего себе, – сказал папа и поскреб макушку. – Я полнолуние не учел, – и стал выбираться наружу.

Я – следом.

Картинка была еще та! Лодка лежала на суше, почти на борту. Море ушло чуть ли не до другого берега. Перед нами вместо воды расстиралось песчаное дно, покрытое кое-где камнями, обросшими мятыми водорослями.

– Полнолуние. Сильный отлив, – сокрушенно объяснил папа. – Как это я не учел?

– Не учел, – поджав губы, сказала мама. – Хорошо еще, что лодка совсем вверх дном не шлепнулась. Сидели бы мы сейчас под ней, как в бочке.

Алешка тут же выпрыгнул за борт и стал собирать морские звезды – их было очень много – и большие, с тарелку, и крохотные, с ноготок. При этом он визжал с таким восторгом, будто подбирал не звезды, а золотые монеты.

Папа ужасно расстроился своим промахом. И постарался его исправить. Выгнал нас из лодки, заставил перетащить вещи на берег и разбить временный лагерь. А сам, с моей помощью, поставил лодку на ровный киль. Это было не просто. Она легла одним бортом на камень, и мы долго ворочали ее, пока выправили. Но спустить ее на воду – и не мечтали. Лодка тяжелая, и протаскать ее по влажному песку до воды нам было не под силу.

– Часа четыре ждать придется, – сказал папа, посмотрев на часы.

– Но море вернется? – озабоченно спросил Алешка. – Ты точно знаешь? Или опять что-нибудь не учел?

– Географию надо учить, – сердито ответил папа.

– И тебе тоже, – тихонько буркнул в сторону Алешка.

Папа его не услышал, а мама отвернулась и незаметно хихикнула.

Делать было нечего, и мы пошли на берег варить гречневую кашу. Одно время в Москве с ней были перебои, и мама всегда при случае покупала гречку про запас. И ее столько, наконец, скопилось, что, если бы не поход, нам пришлось бы ее складывать даже под кроватями. А здесь она пригодилась.

– Вот видишь, – назидательно сказал папа. – На юг бы ты ее не повезла.

– На юге я спала бы в своей постели...

– Под магнолиями, – уточнил Алешка. – И пауки бы на тебя сыпались.

– ...На юге я спала бы в своей постели, и Лешка не колотил бы меня всю ночь грязными пятками по носу.

– Чевой-то они грязные? – обиделся Алешка. – Я после школы два раза ноги мыл!

Тем не менее позавтракали мы дружно и немного пошлялись по лесу. Папа не отходил от нас ни на шаг. «Здесь вам не парк, – говорил он, – если заблудитесь, то и с вертолетом вас не найти. И под ноги смотрите».

Алешка все-таки углядел змею и бросился ее догонять. Но папа успел его перехватить и загнал в лодку. Там Алешка и просидел «под домашним арестом» до самого отплытия.

Вода стала подступать незаметно, но быстро – дно было очень пологое – и скоро зажурчала около лодки и окружила ее, поднимаясь все выше и выше – и, наконец, лодка всплыла и потянулась за водой к берегу.

Папа велел мне выбрать якорь, оттолкнулся веслом и стал выгребать на глубину. Скоро мы попали в полосу ветра, поставили парус и легли курсом на Лесозавод.

Глава VI

Вот это новости!

Лесозавод, как рассказал нам по пути папа, это большой каменный остров среди моря. На нем поселок, где живут рабочие завода и их семьи. Здесь подготавливают лес к отправке и грузят его на лесовозы, которые приходят со всех концов света.

Жизнь в поселке суровая. Продукты и воду сюда доставляют морем. Но жители не унывают. Они плавают на другие острова и собирают там в большие заплечные короба чернику и грибы на зиму, ловят рыбу и...

– Пароход догоняет! – вдруг перебил его Алешка. Он сидел на корме, между папиных ног, и раскладывал собранные звезды по размеру.

Мы испуганно оглянулись, ожидая, что сейчас нас подомнет под себя какой-нибудь бело-снежный океанский лайнер, и сначала ничего не заметили, а потом увидели, что за нами идет ободранная и заплатанная моторная лодка. На ее корме, у подвесного мотора, сидел какой-то отважный дед в зимней шапке. Он шурился от ветра и солнца. Мимо одной его щеки струилась задранная ветром борода, мимо другой – струя дыма из трубки, которая лихо торчала у деда в углу рта. Все вместе действительно было похоже на старый пароход-развалюху. Особенно когда дед начал обгонять нас и мы прочли на борту большую надпись: «Богатырь».

Дед поравнялся с нами, немного сбавил ход и пошел рядом.

– Слышь, морячки! – заорал он, не вынимая трубки изо рта. – Откуда идете?

– Из Москвы! – крикнул Алешка.

Дед открыл рот и выронил трубку:

– Будет врать-то! Далеко, однако, забрались. Не боязно?

– Однако, нет! – закричал в ответ Алешка. – У нас капитан бедовый! Дальше в море – меньше горя!

Дед засмеялся:

– И корабль у вас ладный. Однако без названия. Непорядок. Корабль должен быть с именем. Иначе в море удачи не будет!

Алешка на это не ответил. Только с многозначительным упреком глянул на папу.

Дед, снова засунув в рот трубку, помахал нам шапкой:

– Идите себе потихонечку. А я вас в порту встрену.

Его драный «Богатырь», дымя и шлепая по волне днищем, обошел нас и долго мелькал впереди облупленной кормой.

До Лесозавода было еще далеко – только-только вставали из моря длинные краны, похожие на тощих кривоногих пауков, – а уже здесь, в море, сильно запахло свежераспиленным лесом.

Через полчаса мы опасливо пробирались к причалу между буксирами с плотами и огромными, как многоэтажные дома, лесовозами. На них шла своя жизнь – гремели какие-то железки, лаяли собаки, взрывывали гудки, сушилось на тросах между мачтами белье и вялилась рыба. Матросы, перевесившись через борт, махали нам руками и шапками, а один даже бросил Алешке апельсин. Он в ответ ахнул в железный борт веслом, и тот загудел, как пустая бочка, и с него густо посыпались в воду крупные хлопья старой краски и ржавчины. Матрос засмеялся. Папа свободной рукой дал Алешке подзатыльник.

Дед с «Богатыря» уже прыгал на причале, что-то кричал и показывал, где удобнее пристать к берегу. Шумный попался нам в море дед, шепутной. Если бы мы еще знали, какое развлечение он нам устроит...

Папа ослабил шкот, я спустил парус. Лодка шла по инерции, пока не стукнулась носом в пирс. Дед принял у меня швартовый конец, замотал его вокруг железной тумбы – кнехт называется, и мы сошли на берег.

– Дальше-то куда пойдете? – Дед обошел нас, каждому пожал руку своей шершавой ладонью и каждому назвал: – Акимыч! В Медвежью губу, не иначе? Ну, я вас там навещу. В гости приду. Угощение готовьте. А пока побежал я: старуха заждалась.

– Какая? – испуганно спросил Алешка. – Лоухи?

Дед Акимыч сначала весело задрезжал «остатними» зубами: «Это верно, малый. У нас тут каждая старуха – ведьма», – а потом, оглядываясь, зашептал: «А моя – особенно, по вредности...»

В это время откуда-то появилась огромная бабка с палкой в руке. Дед увидел ее и умильно заорал:

– А моя особенная: добрая, умница! А хозяйка!.. Да вот и она сама! – будто только что увидел подходящую старуху.

«Сама» без слов взяла деда железными пальцами за ухо и потащила по улице. Дед покорно и привычно тянулся за ней, хлопая большими сапогами и дымя трубкой.

– Сколько тебе говорить, старому дураку, чтоб не шлялся по морям, – сердито говорила старуха. И повернулась на ходу к нам, мгновенно сделала приветливое лицо: – Здравствуйте, добрые люди. Заходите в гости. Баньку протоплю. Отдохнете после моря.

– Ага, – сказал Акимыч, выворачивая голову из-под ее руки. – Рыбкой побалуемся... Чайку погоняем...

– Уши надерем, – в тон ему тихонько буркнул Алешка.

Старуха выпустила дедово ухо, поддала коленкой под зад, и дед шустро побежал впереди нее, как шkodливый козленок с бородой, которого загоняет хозяйка до дому.

Пока мы с папой наводили порядок в лодке, мама с Алешкой пошли в магазин, чтобы купить что-нибудь полезное. Или приятное. А к нам подошел новенький молоденький милиционер и вежливо отдал честь. Это был местный участковый инспектор. Папа показал ему все наши документы, особенно путевки для охоты.

– Ну что ж, все в порядке, – сказал милиционер. – Желаю хорошо отдохнуть... Только вот что... – он покосился на меня, и папа поспешил его успокоить – при нем, мол, можно, парень надежный. – Будьте осторожны в лесу, проявляйте бдительность и, если заметите что-нибудь необычное, постарайтесь сообщить мне.

– Уже заметили, – сказал папа. И рассказал о пропавшей карте и угнанной лодке. – Я попытался связаться с милицией, но у капитана МРБ испортилась рация.

– Она у него всегда портится. Когда надо, – загадочно сказал участковый. – Спасибо вам за сведения. Мы примем меры. А вы все-таки будьте осторожны в лесу.

– Конечно, – сказал папа. – Не беспокойтесь. Мы не новички.

– Не в этом дело, – вздохнул участковый. Помолчал, словно раздумывая, говорить или нет. – А дело в том, что несколько дней назад на одной из станций из вагонзака совершили побег четверо заключенных. Двоих уже задержали, а двое других где-то бродят по лесам. Один из них – очень опасный преступник. Другой – по фамилии Филин – местный, злостный браконьер. За что и осужден.

– Вы считаете, что этот Филин угнал лодку? И нашу карту?

– Судя по тому, что вы рассказали, это он. Теперь у них есть лодка. Кстати, и ружье. Правда, по нашим сведениям, без патронов...

– Какое ружье? – спокойно уточнил папа.

– Берданка. У сторожа магазина отобрали.

– Ну, к ней они патронов не достанут.

– Как знать, лучше быть готовым к худшему. Так что если вы с ними встретитесь, в бой не вступать, а найти возможность сообщить мне. Договорились?

– Договорились, – беззаботно сказал папа и повернулся ко мне. – Смотри, маме и Алешке не проболтайся.

Участковый как-то внимательно, с каким-то сомнением посмотрел на нас и добавил:

– А лучше всего – поживите пока здесь недельку-другую. Подергаете камбалу с причала, за черникой на ближний берег сплаваете, грибов соберете, кино нам привозят...

Папа поскреб макушку, сдвинув шляпу на нос, посмотрел на меня, представил, видимо, какой скандал закатит Лешка, и вежливо отклонил предложение.

– Видите ли, ребята столько лет ждали этого путешествия, и было бы жестоко...

– А не жестоко, – резко перебил его участковый, – подвергать их такой опасности?

– Ну, – сказал папа, – вы ее сильно преувеличиваете. Кому мы нужны? Что у нас брать?

– У вас? У вас есть все, в чем у них крайняя нужда: оружие, продукты, теплая одежда, топор... Неужели не понимаете? Ведь вы для них находка!

Я с замиранием сердца ждал папиного решения. И не разочаровался в нем.

– Нет, знаете ли, – мягко ответил он участковому. – Мы не станем менять наши планы. Но обещаю, что будем бдительны и осторожны. И если что – сразу дадим вам знать.

Участковый отдал нам честь, папа тоже приложил два пальца к шляпе, и мы расстались, довольные друг другом.

Потом мы снова спустились в лодку, чтобы продолжить приборку, и папа еще раз предупредил меня, чтобы я не проболтался о нашем разговоре с милиционером. И я видел, каким озабоченным он стал, сколько еще ему прибавилось ответственности за нас, и не приставал к нему с расспросами. Не жалеет ли он о том, что потащил нас в это путешествие? И если не жалеет сейчас, то не пожалеет ли позже?..

Проводить нас собралось все население поселка. Мужчины обещали хорошую погоду и давали папе советы, как лучше и быстрее добраться до Биологической станции:

– На Медвежий камень не иди, возля него сильно вода течет – может далеко в море снести. Оставляй по праву руку и, как с его мордой сравниешься, сразу влево бери и прямо держи на южный берег, а посла – по краешку, по краешку. К берегу там не касайся – камня под водой много – как раз в отлив днище побьешь.

Женщины советов не давали, а, подперев щеки ладонями, жалостно смотрели на нас, особенно на Алешку. Потом одна, долго наблюдавшая, как Алешка распоряжается в лодке, признала: «А ничего – малец шустрый. Этот не пропадет и в море», – и все согласно закивали головами в платочках.

Переход нам предстоял действительно очень сложный. Не зря папа все время смотрел в карту. Мы должны были пересечь губу в самой широкой части, фактически выйти в открытое море. Потому что отсюда противоположный берег, где находилась Биостанция, мы разглядеть не могли – только чуть виднелось что-то вдали как длинное синее облако на поверхности моря.

Алешка тоже лез в карту, что-то соображал, а потом заявил:

– Подумаешь! Все ясно. Сначала вверх, а потом влево. Делов-то!

– На север, а потом на запад, – машинально поправил его папа.

Тут прибежал дед Акимыч с красным ухом и сказал:

– Чего там. Давайте я вас на буксире оттарабаню. Я энтог путь с закрытыми глазами знаю.

Как свою горницу.

Тут все женщины завывали и стали отталкивать деда от причала и кричать нам:

– Не верьте ему! Или заблудится, или утопит всех! Уходите скорей!

Дед обиделся, но виду не показал и бросил Алешке сверток:

– Держи, малец, подарок от Акимыча!

И мы поплыли. Алешка долго стоял на корме и важно приветствовал провожающих, помахивая ладонью поднятой руки. Как член правительства. Потом неожиданная волна от буксира ударила лодку в борт, Лешка не удержался на ногах и плюхнулся маме на колени. Мама обхватила его руками, и они о чем-то пошептались, а потом стали разворачивать сверток. В нем оказалась настоящая морская тельняшка. Алешка взвизгнул и стал ее примерять. Прямо на куртку. Сначала я ему немного позавидовал, а потом, когда он натянул ее, успокоился: рукава висят ниже колен, а подол – ниже пяток.

– Ничего, – сказал папа. – Хорошая ночная рубашка...

Глава VII

В открытом море

Плыли мы очень долго. Даже немного надоело. И страшновато было. Особенно, когда за кормой исчезли силуэты кранов и растаял в белесой мгле сам остров, а впереди все так же далеко и недосыгаемо синел противоположный берег.

Но я все время думал о древних мореплавателях, которые месяцами плыли неизвестно куда без папы и мамы и терпели всякие лишения, а потом их имена навсегда входили в историю мореплавания и великих открытий.

О чем думал Лешка, я не знаю, потому что он скоро уснул в своей длиннополой тельняшке на коленях у мамы. Она осторожно переложила его в каюту. Потом он безмятежно признался: «Я всегда так делаю. Если наступают неприятности, ложусь спать, а когда проснусь – уже все прошло». Хорошая философия.

К счастью, мы скоро проголодались от вольного ветра (и от страха тоже) и обо всем забыли, когда мама достала термос с чаем и сухари. Алешка, конечно, стал крошить сухари за борт для чаек, и, конечно, был наказан. Чайки налетели с голодными криками и кружили над нами, и падали в море, ловко выхватывая из воды сухарные крошки и роняя на палубу и парус свои тяжелые капли. И продолжалось все это безобразие, пока самая умелая и вредная из них не попала прямо в Лешкину кружку с чаем. В виде благодарности за угощение. Алешка обиделся, мама огорчилась и выплеснула чай за борт, а папа принял меры:

– Достань ружье, – сказал он мне, – и вытащи его из чехла.

Я так и сделал – и тут же настала тишина, и чаек будто и не было: в сообразительности им не откажешь.

И вот, наконец, показался Медвежий камень. Это тоже был остров, небольшой и впрямь очень похожий на медведя, жадно припавшего мордой к соленой воде, а на холке у него, как вздыбившаяся шерсть, топорщились невысокие мохнатые ели.

Мы сделали необходимую лавировку: «оставили медведя по праву руку и взяли левая» и поплыли вдоль высоченной бесконечной каменной стены. Она была совершенно отвесная, черная и мокрая внизу, а наверху покрыта лесом. Вся в глубоких вертикальных трещинах и щелях. И по ним взбирались наверх упрямые желтолистые березки. У подножия пенились белыми гребнями волны среди огромных круглых камней, которые кто-то будто нарочно накидал. И даже издалека было видно, какие они гладкие, обкатанные морем.

Тут эта стена стала закрывать от нас ветер, и папа отвел лодку подальше от берега, и отсюда стало еще красивее – будто прямо из моря вставала громадная гранитная крепость, а наверху, будто ее защитники, грядились отважные деревья и смотрели на каменные пушечные ядра, среди которых шумно толкались и бежали к берегу волны.

Мы долго шли вдоль этой стены и искали в ней какие-нибудь ворота. И никогда бы их не нашли – такие они оказались узкие, – если бы не слышали дикий знакомый вой. Это была громкая современная музыка, которая здесь, среди красивых скал и Белого моря, была совершенно чужая и звучала очень неуместно.

– Этого счастья мне хватало и в Москве, – морщась, сказала мама. – Стоило, конечно, добираться сюда за тысячу верст только для того, чтобы оглохнуть у Полярного круга, а не дома, в привычной обстановке и с большим комфортом.

Папа, конечно, ничего не ответил и повел лодку на веслах в узкий, как горлышко бутылки, проход, своды которого почти смыкались наверху. Вода здесь была темно-зеленая, глубокая и спокойная. Но во время прилива, сказал папа, здесь бурлит, как суп на костре.

Скоро проход расширился, и мы оказались в глубокой круглой бухте с отвесными скалистыми берегами. На левом склоне чудом, как бы в два этажа, разместилась вся Биологическая станция – рубленый домишко с серой от моха крышей, две драные палатки и сарай на причале, а в глубине бухты, вплотную к берегу, стоял иностранный корабль «Эдит Пиаф». И как он только пролез сюда!

С берега над кораблем свисал деревянный желоб, и по нему бежала в трюмы пресная вода. И стоял кругом, как в брюхе барабана, грохот от музыки, которая вырывалась из мощных судовых динамиков. А зарубежные матросы в желтых комбинезонах лазили по окрестным скалам и лакомились черникой.

Папа объяснил, что дальше, в глубине берега – большое и единственное в этих краях озеро, и все корабли, которые прибывают за лесом, заправляются здесь питьевой водой. И оглушают окрестности своей музыкой.

Мы подошли к причалу, и какой-то бородатый биолог помог нам пришвартоваться. И мы сошли на берег... И берег вдруг начал качаться у нас под ногами, будто состоялось в честь нашего прибытия местное землетрясение. Даже папу, старого морского волка, так качало, что он никак не мог поймать руку биолога, протянутую ему для знакомства.

Пока мы здоровались, знакомились и получали приглашение на обед, Алешка исчез. Мама стала беспокойно озираться.

– Да вон он, на скале, – сказал биолог, – фарцой занимается.

И точно – напротив причала, на самом верху отвесной скалы, исписанной названиями всех кораблей, которые когда-либо посещали станцию, мы увидели Лешку рядом с иностранным матросом в оранжевой куртке и вязаной, с детским помпоном, шапочке. Они очень оживленно беседовали, хотя Лешка знал по-иностранному всего два слова: «фейсом об тейбл».

Вскоре он вернулся, неся в подоле дедовой тельняшки свою добычу: жвачку, календарик с неприличной красоткой, стержень от авторучки, медную монетку с чьим-то надменным профилем в веночке и много чего-то еще.

– Ничего себе! – позавидовал я. – А ты чего отдал?

– О! – Алешка сделал большие глаза и поднял хохолок на макушке. – Я подарил ему такой красивый камень! Даже жалко было отдавать!

– Где же ты его взял? – безнадежно поинтересовалась мама.

Алешка не смутился. Но промолчал.

– Ну? – строго спросил папа.

– А там, – сделал Алешка небрежный жест, – недалеко... где мы разговаривали... Он под ногами валялся... – честно признался он и с надеждой добавил: – А вам что, тоже нужно? Там еще есть такие... И здесь полно.

– Сейчас же пойдя, поблагодари, извинись и верни всю свою фарцу, – твердо сказала мама и заранее начала морщиться, предвидя Алешкин возмущенный вой. – Не позорь себя и нас... Коммерсант.

Но Алешка подозрительно мирно согласился. Настолько подозрительно, что мы не сводили с него глаз, когда он обегал бухту и перебирался на «Эдит Пиаф».

Матрос с помпоном помог ему спрыгнуть с фальшборта на палубу, и они начали что-то оживленно обсуждать. Потом матрос побежал к мостику, взлетел на него по крутому трапу и обратился к капитану. Капитан выслушал его и стал хвататься за голову и топтать ногами, а потом бросил на палубу свою фуражку, схватил мегафон и что-то в него скомандовал. Тогда прибежал еще один матрос с ведерком и кистью, а двое других стали вываливать за борт шлюпку, и она закачалась на таях вплотную к скале.

– Понятно, – сквозь зубы сказал папа. – Наш меньшой тоже решил оставить на скале свой скромный автограф.

– И напишет на иностранный манер что-то вроде: «Здесь был Алиоша», – тоже сквозь зубы сказала мама и добавила с грустным восхищением: – Но какой организатор!

«Организатор» уже забрался в шлюпку. Рядом стоял матрос с помпоном и одной рукой держал ведерко, а другой почтительно поддерживал Лешку за шиворот, потому что шлюпка еще покачивалась.

Лешка макал кисть в ведро и «расписывал» стену. Потом отступил на шаг, откинул голову, полюбовался на надпись: «Лотка из Москвы», поставил дату и восклицательный знак. Пожал матросу руку, выбрался из шлюпки, снова подобрал в подол тельняшки свое наменянное на булыжник имущество и через пять минут стоял перед мамой, ожидая заслуженной похвалы.

– А почему ты не вернул сувениры?

– Забыл, – наивно соврал Алешка. – Я сейчас...

Но было уже поздно. На это Лешка и рассчитывал. «Эдит Пиаф» загудела, капитан облегченно надел фуражку и стал кричать в мегафон: забегали матросы, со скрежетом поползла, убираясь в клюз, ржавая якорная цепь – и лесовоз поспешно двинулся к выходу из бухты.

Оранжевый матрос с помпоном весело махал Алешке рукой. Алешка сцепил ладони и тряс ими над головой. Но недолго – кинулся подбирать свои сокровища, которые высыпались на причал, когда он в дружеском интернациональном приветствии выпустил свой полосатый подол.

«Эдит Пиаф» набирала ход, и мимо нас плавно скользил капитанский мостик. Алешка сделал попытку помахать и капитану, но тот нервно отвернулся. Хорошо еще, что Лешке не пришлось в голову предложить ему обменять фуражку на булыжник и запустить его в окно рубки.

Потом Алеха забрался в лодку – укладывать добычу. При этом он старался, я заметил, не поворачиваться к нам правым карманом куртки, откуда торчал какой-то бумажный сверток.

Сверток был тяжелый – видно, как он оттягивал карман. Что он еще наменял?

– Это тайна, секрет, – просто и скромно сказал Алешка.

И правильно сделал. Если бы он признался сразу, что ему подарил иностранный матрос, кроме всякой ерунды, неизвестно, что бы с нами было при встрече с бандитами. Ведь Лешка всех нас спас от большой беды... Впрочем, обо всем в своем месте, в свое время...

Мы быстренько пообедали с биологами и сразу стали собираться в море. Папа сказал, что нам остался последний большой переход до губы Медвежьей, и надо успеть добраться туда засветло, чтобы не подходить к берегу в темноте и вовремя устроиться на ночлег.

Глава VIII

Папин берег

Мы выбрались из бухты, обогнули крутой пузатый камень, на голой лысине которого флагом полыхала одинокая краснолистая березка, и поплыли дальше – вдоль да по бережку, вдоль да по крутому.

Лодка мерно покачивалась, шуршала волна по бортам, гнулась над головой мачта. Оголтело кричали чайки, отставшие от лесовоза. Он уверенно шел впереди нас, в открытом море, и на глазах уменьшался, а потом вовсе исчез за горизонтом, будто в панике удирал от Алешки.

В общем, до места нашей будущей длительной стоянки и бурных приключений мы дошли благополучно. Только один раз с моря налетел шквал – холодный ветер с ледяным дождем, но папа успел угадать его и спрятал лодку у берега, в закрытом заливчике. Мы благополучно отстоялись там и к вечеру уже подходили к заветным папиным берегам.

Недаром он так к ним стремился почти двадцать лет! Здесь было так красиво. Я уже начал привыкать к суровой северной красоте, но здесь как будто она собралась вся, со всего Белого моря, со всей древней русской земли.

Лодка тихо скользила по широкому гладкому заливу. Справа по борту, уже в открытом море, лежали три острова. Слева раскинулись песчаные берега, сплошь забросанные у кромки воды камнями, а затем, у края безбрежного леса, громоздились завалы из желтых бревен, разбросанных по всему побережью, а еще дальше лес взбирался вверх по каменным ступеням, по которым впору было ходить сказочным великанам.

На песчаном дне залива лежали большие камни вроде валунов, будто торчали из моря круглые головы этих самых великанов с бородами из зеленых водорослей, шевелящихся в голубой прозрачной воде.

Берега здесь были неровные, изрезанные, причудливые. Все кругом было дико, первозданно, как говорил папа, – будто только вчера появилось на свет. И еще не привело себя в порядок.

Папа уверенно направил лодку в глубь залива, где сбегал в море крохотный ручеек, и ее нос мягко врезался во влажный песок. Мы закрепили среди камней якорную цепь и стали выгружать вещи. А потом таскали их наверх, в лес, где предполагали разбить постоянный лагерь.

Только мы вошли в лес, как у нас прямо из-под ног с шумом поднялись белые птицы, похожие на небольших кур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.